

ТЕАТР

„НАХЛЕБНИК“

В НЕКОТОРЫХ недавних постановках классика искусственно подгонялась под ложно понимаемую тем или иным режиссером злобу дня, авторский замысел подчас попирался и искажался. Как естественная реакция на такие постановки, в нынешнем сезоне один за другим появляются спектакли, раскрывающие произведения наших великих национальных писателей в их глубинном, гуманистическом содержании. Наглядно подтверждается мысль о том, что классика потому и является классикой, что она всегда современна, отвечает духовным потребностям и запросам людей, живущих многие десятилетия спустя после рождения самого произведения. Это и «На дне» Горького в «Современнике», и «На всякого мудреца довольно простоты» Островского у вахтанговцев, и «Отцы и дети» Тургенева в Малом театре, и, наконец, только что вышедший на сцене чешские подмостки тургеневский же «Нахлебник» в Московском Художественном...

В «Нахлебнике», поставленном Г. Конским, действует слаженный актерский ансамбль. К кому бы из персонажей спектакля мы ни обратились, каждый сыгран в соответствии с той характеристикой, которую дал своим героям автор.

«Человеком дюжинным, не злым, но без сердца» играет петербургского чиновника Елецкого А. Вербяцкий. Вполне приличный, даже респектабельный и воспитанный господин, он лишь однажды по ходу действия позволяет себе повысить голос. Но человечности, душевности в нем — ни грава. Одна светская обходительность... «Видя собою, говорит громко, рисуется» отставной кавалерист Тропачев. Исполнитель роли Я. Топчиев

рисует Тропачева, как человека грубого, примитивного, склонного к подлости.

Мягко, правдиво исполняет роль Ольги Петровны, жены Елецкого, артистка Л. Качанова. Ни в чем не утрируя и не упрощая образ, актриса раскрывает душевную ограниченность своей героини. То, что бедняк Кузовкин оказывается ее отцом, Ольгу Петровну скорее пугает, даже страшит, нежели пробуждает в ней дочернее чувство, душевный трепет. И в ответ на порыв старика, раскрывшего дочери свои объятия, она отпатывается и торопливо убегает...

Можно было бы сказать добрые слова об исполнителях и других ролей — бедного соседа Елецких Ивана, сыгранного А. Семеновым с глубокой, сдержанной силой, или кастелянши Прасковьи Ивановны, обрисованной А. Комоловой зло и выразительно.

Однако главный успех спектакля связан с образом самого «нахлебника» — Василия Семеновича Кузовкина, замечательно воплощенным М. Яншиным.

Смотришь спектакль, и порой кажется, что талантливый мастер сцены вроде бы излишне сдержан, даже суховат. Но это ведь только кажется. Да, М. Яншин, великолепно понимая, что ситуация, изображенная Тургеневым, драматична сама по себе, действительно избегает обильно разжалобить зрителя, дать волю своему темпераменту, чувствам, переполняющим его героя. Но от этого впечатление становится только сильнее, глубже. Артист играет не несчастного старика, обиженного судьбою, а человека, исполненного сознания собственного достоинства. И недаром по-

сле дурацкой, хамской шутки Тропачева, по чьему приказу на голову захмелевшего Кузовкина был напялен шутовской колпак, под напором тихих, даже не гневных, а скорее исполненных укоризны слов «нахлебника» отступает перепуганный, растерявшийся Елецкий.

Не менее сильное впечатление производит и сцена разговора Кузовкина с дочерью — его рассказ о близости своей с матушкой Ольги Петровны. Кузовкину — Яншину трудно говорить об этом: слишком дорога для него память той, что годы любил он безмолвно и безнадежно, память о коротких минутах счастья, и он словно боится расплескать свои воспоминания, свои чувства. Этот рассказ окрашен также сердечной ранимостью Кузовкина, его душевной деликатностью, боязнь, чтобы не посчитали его шантажистом, человеком, рассчитывающим извлечь материальные выгоды из своего положения.

Сознавая свою незащищенность перед елецкими и тропачевыми, Кузовкин — Яншин уже самой своей сдержанностью, неторопливостью, что ли, подчеркивает и свою духовную независимость от них, крепко развитое в нем чувство собственного достоинства.

Именно эта мысль о человеческом достоинстве пронизывает и образ, созданный мастером, и спектакль в целом. Спектакль по-настоящему тургеневский, чему немало способствует и оформление В. Рындины — нежное, поэтичное, прекрасно передающее поэзию, очарование среднерусской природы, которой удивительно внутренне чужды всевозможные елецкие и тропачевы.

Юр. ЗУБКОВ.